

РЕСПУБЛИКАНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В ГОСУДАРСТВЕННОМ
РАЗВИТИИ ГРЕЧЕСКОГО КОРОЛЕВСТВА
В XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА
(ВЗАИМОВЛИЯНИЕ РЕСПУБЛИКАНСКИХ ИДЕЙ
В РОССИИ И ГРЕЦИИ)

© 2020 г. О.В. Соколовская

Д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН

elolga@mail.ru

Статья посвящена проявлениям республиканского мышления у греческих политиков и греческого населения в отдельные периоды истории, а также влиянию на них революционных событий в Российской империи в начале XX в.

The article is devoted to the manifestations of republican thinking of Greek politicians and the Greek population in certain periods of history, as well as the influence on them of revolutionary events in the Russian Empire in the early twentieth century.

Ключевые слова: республиканское движение, Греция и Россия, февральская революция 1917 г.

Keywords: republican movement, Greece and Russia, February Revolution of 1917.

DOI: 10.31857/S0869544X0009512-6

Со времен Древней Греции (правления Перикла в Афинах в V в. до н.э., расцвета Афинской демократии) и Рима известен термин демократия, а республиканская форма государственного устройства стала образцом для подражания в последующем во многих государствах. При этом с древних времен и до наших дней наиболее выдающимися являются два политических движения: демократическое и олигархическое.

Не случайно декабристы в условиях жесточайшей самодержавной цензуры Российской империи, желая выразить свою личную позицию в оценке государственной власти России и ее перспектив, ссылались в своих манифестах на примеры Древней Греции и Рима. П.И. Пестель, наверное, в самом ярком документе конституционного творчества республиканского крыла декабристов «Русской правде» упоминал «блаженные времена Греции, когда она состояла из республик», и сравнивал «величественную славу Рима с плачевным ее уделом под управлением императоров» [1]. Монархическая власть в России карала не только за требования установить республиканский образ правления,

запрещалось даже упоминать о республике. Поэтому и декабристы-республиканцы, и, позднее, революционеры-демократы высоко оценивали демократизм античных республик. Декабристу В.Ф. Раевскому, арестованному 6 февраля 1822 г., на военном суде вменялось и то, что на уроках в полковой школе он характеризовал русскую монархию как деспотически управляемую. При республиканском же правлении, считал он, «народ выбирает сам себе начальников и сам для себя делает законы [2].

В это же время в 20–30-х годах XIX ст. в греческих провинциях другой империи, не менее деспотической, — Османской — росло и ширилось национально-освободительное движение. Большинство греков с самого начала сопротивления против власти над ними османской империи выступало за создание новогреческого государства и за республиканский путь развития. Здесь не обошлось без сильного влияния греческих негодичантов, знакомых с европейской системой управления государством.

Наиболее демократическими были самые первые попытки создания греческого независимого государства. Так, первая греческая конституция — Эпидаврская от 1(13) января 1822 г. — объявляла об «окончании османского господства» и вводила в освобожденные части Греции республиканскую форму правления. Она создавалась под большим влиянием законодательства Великой французской революции. Через пять лет, в мае 1827 г. была принята Трезенская конституция — наиболее полная и демократическая из всех конституций греческой революции. Однако избранный первым президентом греческой республики Иоаннис Каподистрия (ранее занимавший высокие посты в Российской империи, т.к. российский чиновник, разделявший совсем другие идеалы, хотя и считался греческим патриотом), вскоре, распустив парламент, стал править как диктатор. Хотя он признавал право греков самим выбирать государственную систему и своего суверена, но считал лучшей формой правления для Греции конституционную монархию с народным представительством в лице Национального собрания. Вскоре человек, предавший светлые идеалы греческой революции, был убит, а Греция, под напором великих держав-покровительниц стала королевством. Король Оттон I, чужеземец, несмотря на то, что внешне старался угодить грекам и даже носил греческую одежду, но не сумел сплотить греческий народ, и был свергнут в ходе революции 1862—1863 гг. Причем в очередной раз наиболее прогрессивные силы греческой нации начали борьбу за окончательную ликвидацию монархии и за установление на их землях республиканской формы правления. Шансов у восставших было мало, поскольку большинство великих держав-гарантов Греции сами были монархическими государствами и империями. Правительства Великобритании, Франции, России, а также Австрии и Пруссии, решили, что монархическая форма правления лучше всего подходила для удержания Греции в нужных для ее населения (и, конечно, для них самих) рамках. Новым королем эллинов в 1864 г. стал датский принц Георг I, оказавшийся достаточно мудрым политическим мужем, который сумел на протяжении почти 50 лет правления объединить греков и повести их к экономическому и частично политическому прогрессу. Принятие греческой Конституции 1864 г. ознаменовало собой окончание целого периода новогреческой истории, главными этапами которого была национально-освободительная война за независимость страны, создание новогреческого государства и его политической структуры. Вектором развития был переход от президентской республики к абсолютистской, а затем к конституционной монархии, при сильном ограничении права королевской власти,

т.е. произошел окончательный переход к парламентской монархии. Новая греческая конституция формально являлась одной из самых демократических в Европе. Она вводила однопалатный парламент, всеобщее избирательное право и проч. Грекам, страстно желавшим осуществления их великодержавных планов (Мегали идея), импонировало то, что при короле Георге I территория Греческого королевства постепенно расширялась, укреплялась экономика, совершенствовалась политическая система и т.д. Королева эллинов Ольга, супруга Георга I, урожденная русская великая княжна, естественно, была по воспитанию твердой монархисткой. На все замечания, что люди должны избирать своего правителя, она говорила: «Лучше, чтобы мной управлял лев благородного рождения, чем четыре сотни крыс моего же класса» [3. Д. 204. Л. 13].

Борьба многочисленных партий между собой в Греции с самого его создания была настолько жесткой, что нередко дебаты в парламенте заканчивались стрельбой; одно правительство сменяло другое, что в целом ослабляло Грецию. Все это заставляло даже короля Георга I и королеву Ольгу рассуждать о правильности выбранной для страны формы правления. До нас дошел удивительный документ, сохранившийся в ГАРФ РФ, подтверждающий этот факт. Несмотря на то, что греческая королева с самого начала не вмешивалась в политику, но ее замечания о политиках в Греции как-то сами ложились на бумагу. В письме Ольги Константиновны из Афин отцу, великому князю Константину Николаевичу, известного в России своими либеральными взглядами, от 29 марта (10 апреля) 1875 г. Она писала: «Ты себе представить не можешь, (для этого надо иметь с ними дело и жить здесь несколько лет), до какой степени политические люди здесь испорчены, как они бесчестны, бессовестны, ни принципов, ни убеждений у них нет, только низкое самолюбие и безграничное корыстолюбие. И кто из них думает о бедной родине! Это все только на словах, когда они говорят о силе патриотизма! Мы, вот, не Греки, но Бог нам свидетель, что мы ни о чем другом не думаем, ничего другого не желаем, как счастья, спокойствия, величия Греции, что мы ее любим, как бы собственную родину; вот более десяти лет, что Вилли (так звали греческого короля дома — О.С.) мучается и трудится, и все это ни к чему не ведет! [...] Но, право, грустно подумать, какой вред приносят эти партии Греции, народ ведь самый добрейший, самый хороший, но он, конечно, сам не судит, а терпит, не рассуждая, а эти партии его притесняют, терзают и все это, упираясь на конституцию. Кто это выдумал, такое уродство? Я все думаю о том, что Ан-Папа (дедушка — датский король Христиан IX. — О.С.) сказал, что Он понимает только два рода правительства: самодержавие и республику! Вот бы им здесь республику дать; во-первых, это старинные демократы здесь, а во-вторых, Кумундурос, Вулгарис, Заимис и Делигеоргис¹ могли бы быть по очереди (положим, каждые два года) президентом республики; это может быть успокоило бы их!» [3]. Но республиканское течение, существовавшее более в заграничных отделениях партий, не делало в целом погоды в Греческом королевстве, пронизанном великодержавными идеями, которые требовали немедленного их разрешения. Установившийся почти на столетие строй в Греции не мешал, а скорее помогал, грекам осуществлять свою вековую мечту о Великой Греции. И успехи, особенно к началу XX в., были несомненными. Прогрессивные реформы армии, флота и одновременно политической системы Греции, закрепленные в новой

¹ А.Кумундурос (1817–1883), Д. Вулгарис (1807–1877), Т. Заимис (1822–1880), Э. Делигеоргис (1829–1879) — выдающиеся греческие государственные деятели, которые занимали пост премьер-министра по несколько раз в правление Георга I.

конституции 1911 г., выработанные под руководством короля Георга и нового, выдающегося политического деятеля, премьер-министра Элефтериоса Венизелоса², превратили Грецию в достаточно сильное, современное государство на Балканах. Это позволило Греции сколотить антитурецкий блок совместно с соседними балканскими государствами и выиграть две Балканские войны 1912–1913 гг. Хорошо известно, что по Бухарестскому миру 1913 г., завершившему Балканские войны, население и территория Греции увеличились почти в два раза [4. С. 429–434].

В годы Первой мировой войны Греция долго не решалась присоединиться ни к одной из воюющих коалиций, поскольку ее национальные задачи во многом были решены. Вопрос о нейтралитете или вступлении в войну разделил Грецию на две враждующие части: монархистов во главе с новым королем Константином I, сыном убитого в Салониках в марте 1913 г. Георга I, и сторонников Э. Венизелоса (венизелистов), стремившихся скорее вступить в ряды стран Антанты, чтобы на грядущей мирной конференции не упустить шанса отхватить еще куски османской территории. Этот период греческой истории назван национальным расколом.

Ближе к концу мировой войны внутри венизелистского движения стало развиваться и набирать силу республиканское движение. Прежде всего оно возникло под политическим влиянием западных держав, многие из которых стали уже республиками, особенно Франции, где была самая в то время большая греческая диаспора. Внутри Греции это были сторонники Антанты. Можно также сказать, что этому частично способствовала прогерманская позиция нового короля Греции Константина I, женатого на родной сестре кайзера Вильгельма Софии. Его политика сохранения Грецией нейтралитета в войне, которая по сути была выгодна Центральному блоку держав во главе с Германией, т.е. врагам Антанты. Раскол греческой нации был неизбежен. Осенью 1916 г., сразу после сдачи греческим королем Константином г. Кавалы, порта Рупель и других пунктов немецко-болгарским войскам, несколько островов низложили власть афинского правительства и провозгласили республику. Это был не единственный случай. Республиканское движение нарастало и подпитывалось революционными событиями в России начала XX в. Особенно велико было влияние Февральской буржуазной революции 1917 г., открывшей глаза многим на путь демократического обновления общества.

Многочисленная греческая диаспора России, греческие дипломаты (Ион Драгумис и др.)³ могли наблюдать, как с 1905 г. по февраль 1917 г. основной вопрос политической жизни страны касался установления нового демократического порядка, т.е. преобразования монархического строя либо в конституционно-монархический, либо полной замене монархии республиканской формой государственного управления. Греки, как и весь мир, могли наблюдать, как в условиях массового движения за демократизацию страны, формирования политических партий, российское правительство было вынуждено провести относительно радикальные реформы, связанные с созывом общероссийского представительства с законодательными политическими функциями – Государственной Думы. Новые политические идеи с трудом пробивали себе дорогу в будущее. После первой русской

² Элефтериос Венизелос (1864–1836), греческий политический и государственный деятель, неоднократно занимавший должность премьер-министра с 1910 по 1933 год. Взгляды колебались от либерального республиканизма до консервативного монархизма. Крайний националист.

³ Драгумис Ион (1878–1920). В годы Первой мировой войны был посланником в Греции в Петрограде.

революции 1905–1907 гг. несмотря на все усилия П.А. Столыпина совместить представительство народа и самодержавие, начался быстрый отход от сделанных уступок и намеченных преобразований. Но Царское правительство было уже не в состоянии изменить политическую ситуацию и не нашло на протяжении всего периода с 1905 г. до февраля 1917 г. такую меру уступок, которая удовлетворила бы требованиям умеренных сил и препятствовала бы нарастанию массового движения. В сложный период российской истории партии вырабатывали программные установки по вопросам власти. Основные либеральные партии — октябристы и кадеты — представляли будущее России в форме конституционной монархии. Достичь этой цели они хотели мирным, конституционным путём, хотя кадеты не отрицали возможности политической революции. Меншевики и эсеры стояли за более радикальное преобразование общества с демократической республикой в конце пути. Не исключая революционных способов действия, меньшевики проявляли большую склонность к реформаторству. Большевики отстаивали собственный вариант решения вопроса о власти — уничтожение царизма вооруженным путём и замену ее демократической республикой. Острота социально-экономических противоречий была чревата революционным взрывом, который и произошёл в феврале 1917 г. [2].

Весной 1917 г. не было события по силе своего воздействия на международную политику, равного февральской буржуазно-демократической революции в России. Она оказала огромное влияние также и на греческую политику, разорвав все династические узы, связывавшие афинский и петербургский дворы, лишив греческого короля Константина I ощутимой поддержки со стороны русской монархии. Русская революция всколыхнула весь греческий народ, усилив в нем политическую активность многочисленных партий и движений. Причем республиканское течение охватывало тысячи греков в Старой и особенно в Новой Греции (т.е. присоединенных по Бухарестскому миру 1913 г. территорий), а также жителей многочисленных греческих островов. Интересно, что в ходе происходившей политической борьбы сторонники Э. Венизелоса сами разделились на две части, причем наиболее многочисленная, по свидетельству самого Э. Венизелоса, требовала учреждения республиканского строя в стране. Этой точки зрения придерживались многие дипломаты, политические деятели и среди них будущий первый премьер греческой республики А. Папанастасиу.

Первые же известия, полученные в Греции о новой русской революции, произвели огромное впечатление. Экстренные выпуски газет брались нарасхват, в общественных местах говорили только об этом. «Все другие события, — писал афинский корреспондент “Утра России” 23 марта 1917 г., — даже местные интересы, отошли на второй план». Демократическая общественность России горячо поддержала республиканские идеи греческого народа. Первые сообщения о демократических взглядах греков появились именно в русской прессе. А греческие демократические круги были всецело на стороне русского народа, «собственной кровью отвоевавшего себе свободу и становившегося в ряды демократических стран Европы». По всей Греции прошли митинги в поддержку русской революции, носившие политический характер. Греческий народ требовал решения судьбы своей страны в том же духе. 8 апреля, как писали 12 апреля 1917 г. русские газеты «Утро России» и «Русский инвалид», по донесениям своих корреспондентов, по инициативе греческой политической ассоциации в большом зале Белой Башни в Салониках состоялся грандиозный митинг, на котором население города восторженно выразило свою «глубокую радость и восхищение по поводу обновления России». Мэр Салоник

приветствовал «победу России над тиранией абсолютизма, поддержанного германофильским строем», и выразил пожелание, «чтобы столь же успешно увенчалась [...] борьба греческого народа с тираном и изменником королем Константином». Речь его сопровождалась продолжительными овациями в честь возрожденной России, оркестр исполнил Марсельезу. Затем была принята резолюция, в которой жители Салоник от имени всего эллинского народа приветствовали «знамя русского возрождения, вознесшееся над Царским Селом», и поздравляли «с победой великий русский народ, с которым греческий народ роднит общность религии и традиционная роль России в качестве защитницы эллинизма». Текст резолюции был немедленно передан по телеграфу Временному правительству России.

Находясь под сильным впечатлением от событий в Салониках греческий посол в Париже Атос Романос, выражая мнение греческой диаспоры и конечно, свое личное, телеграфировал 4 апреля Временному правительству в Салоники: «Возможно, недалек тот день, когда слово республика будет произнесено и у нас» [5. Р. 471].

С начала мая русские газеты почти ежедневно помещали сообщения о митингах в различных греческих городах с требованием свержения Константина, подтверждавшие верность державам Антанты и Венизелосу, об усилении республиканского движения. Как сообщал «Вестник Временного правительства» (9 V 1917), сторонники главы временного правительства Э. Венизелоса устроили очередную демонстрацию, на которой обращались к державам Антанты с просьбой заставить Константина отречься от престола. Не дожидаясь помощи от великих западных держав 6 мая 1917 г. на центральной площади Салоник, возле Белой Башни, состоялся очередной еще более грандиозный митинг, собравший около 40 тыс. человек. Это были жители Новой и Старой Греции, беженцы из Малой Азии, Фракии, а также из Кавалы, Серр и Драмы; они единодушно высказались за «низложение правящей династии» (первоначально в тексте резолюции говорилось о низложении короля Константина). Скандируя «Да здравствуют союзники, Венизелос и нация!», «Да здравствует Республика!», толпа направилась в резиденцию временного правительства для передачи резолюции [6. С. 145.].

Возмущение германофильской политикой Константина, подогреваемое венизелитами, охватило даже самые маленькие города и селения Северной Греции и вылилось там в многочисленные митинги, на которых также заявлялось о необходимости свержения Константина и провозглашалась верность Венизелосу и союзникам по Антанте. Либеральные круги греческого общества открыто заявляли, что «никакой компромисс невозможен более между либеральной Грецией и царствующей династией, так как они представляют собою два совершенно различных мира идей и стремлений». Между ними, говорили они, «существует такое же непримиримое и глубокое противоречие, как между режимом демократической России и автократическими стремлениями династии Гогенцоллернов». Сообщение об этом 3 июня 1917 г. поместила газета «Новое время», также пристально следившая за событиями в Греции. А 14 июня, забыв о своем монархическом прошлом, газета призывала оказать содействие установлению демократического строя в Греции. «Пример великой России, — говорилось в передовице, — не мог не коснуться сознания греческого народа. Царствование Константина и все пережитое за это царствование могло только способствовать распространению среди греков идей республики». Выступая за установление республиканского строя в Греции, газета считала, что

«в лице Венизелоса у Греции есть достойный глава этой республики». «Утро России» 14 июня 1917 г. сообщало о настроении народных масс в Греции, «наэлектризованных великим освободительным переворотом в России», выступало в поддержку республики в Греции, считая установление такого строя «лучшим и наиболее прямым способом сделать страну сильной и независимой».

Весьма сильным, как я уже упоминала, было демократическое движение в греческих диаспорах в Западной Европе, Африке, Америке и в России. В начале мая 1917 г. в Париже состоялся очередной конгресс греческих колоний в Европе, Африке и Америке, принявший постановление о низложении короля Константина и его династии, а также о необходимости учреждения «в Греции республиканского образа правления, что соответствует национальным эллинским традициям». Постановление заканчивалось просьбой, обращенной к державам-покровительницам, «не препятствовать присоединению греческих провинций к салоникскому правительству и признать эллинскую республику, как только она будет провозглашена учредительным собранием». По иронии судьбы, как писал «Вестник Временного правительства» (5 III 1917), представители конгресса вручили текст постановления российскому послу в Париже, ярому монархисту А.П. Извольскому, с просьбой доставить его Временному правительству. По мнению самого Извольского, решение это, хотя и не отражало полностью мнения «рассеянных в разных частях света греческих колоний», имело большое значение, так как исходило от весьма зажиточных и влиятельных греческих колоний Франции» [6. С. 146.]. Неделями раньше на литургии в часовне при греческой миссии в Париже представители греческой колонии потребовали, чтобы молитвы за короля более не читались. В Париже также состоялась антидинастическая демонстрация местных греков. Как сообщал 3 мая корреспондент «Утра России» В. Гроссман, «толпа была крайне возбуждена и требовала: „Долой династию!“». Парижские греки поголовно были убеждены, что близится час, когда в Греции будет провозглашена республика. В том же духе проходила кампания во французской прессе. Известный публицист Ж. Эрбэ выступил в *«L'Écho de Paris»* со статьей, озаглавленной «Венизелос, учреждайте в Греции республику!». Французский публицист настаивал на необходимости «немедленно уничтожить гнездо предателей, свитое вокруг греческой королевской семьи, дабы обеспечить тыл армии генерала Саррайля», руководившего всеми военными действиями союзников на Салоникском фронте. «Только созыв Венизелосом учредительного собрания, — писал Эрбэ, — для установления в Греции республики может вернуть греческому народу доверие союзников и покончить раз и навсегда с греческим кошмаром». Все парижские круги, сообщал А. Диомидис (направленный Венизелосом в Париж для переговоров о свержении короля Константина) ждут от Венизелоса решительных действий, свержения династии и установления республики [6. С. 146].

Многочисленные греки, проживавшие на юге Российской империи, особенно в Одессе, Мариуполе, Ейске, Таганроге, Севастополе и Балаклаве, были теперь на стороне республиканского движения в Греции. Уже 6 марта 1917 г. в «Русской воле» было опубликовано письмо под названием «Долой Константина!», в котором автор письма призывал греков исполнить союзнический долг перед Сербией, а союзников «ради успешного ведения и окончания военных операций на Салоникском фронте — раз и навсегда покончить с германским засильем двора Константина». В письме выражалась надежда, что союзники поддержат «революционное движение в Греции и примут все меры, чтобы в согласии с громадным большинством эллинского народа низвергнуть старый порядок, всячески подавлявший волю народа». Заканчивалось письмо

здравицей в честь греческой революции, национального правительства и греческой республики [6. С. 147].

В своих многочисленных выступлениях и статьях Э. Венизелос нередко высказывал убеждение, что мировая война приведет к падению монархий во многих странах, например в Болгарии и Германии, и торжеству республиканских принципов. В разговоре с первым генеральным консулом России в Салониках (в 1914–1917 гг.). В.Ф. Калем Венизелос признавался, что переворот в России и присоединение к союзникам США заставили его критически отнестись к своим умеренно-конституционным взглядам. Если еще несколько месяцев назад он был убежденным приверженцем конституционной монархии, то теперь он все более соглашался с правильностью взглядов большинства своих последователей, видевших единственный выход в удалении Константина и провозглашении республики [6. С. 149]. Вместе с тем, по мнению авторов «Истории греческой нации», «вопреки сильному влиянию новых течений в Западной Европе и России, он продолжал придавать непростительно большое значение династическим связям [...], находился под влиянием внешних факторов» [7. Σ. 44].

Венизелосу приходилось считаться с тем, что, в отличие от России и Франции, общественное мнение Англии, с которой у Греции были самые тесные экономические и политические связи, было более сдержанным и требовало лишь урегулировать греческую проблему. Вопрос о греческой республике, который время от времени поднимался в английском парламенте правительством Англии, решался однозначно. Лорд Сесил, зам. военного министра, отвечая депутатам в парламенте, объяснял, что Греции, если она пожелает, будет предоставлена полная свобода провести плебисцит относительно образа правления, но во время войны он практически неосуществим, поскольку для отмены договора 1863 г. необходимо предварительно заручиться согласием Дании, которая была в числе подписавших этот договор держав-покровительниц (гарантов) [8. Д. 3828. Л. 57; Д. 3826. Л. 11, 133, 190.].

В середине апреля 1917 г., после встречи глав правительств Франции, Великобритании и Италии в Сен-Жан-де-Морьенн, на которой рассматривался вопрос о судьбе короля Константина I, ситуация начала меняться. Греческий король потерял статус неприкосновенности и превратился в персону нон грата, что развязывало руки главе салоникского правительства Э. Венизелосу. Однако в вопросе об установлении республиканского строя в Греции мнения правительств Антанты за исключением, возможно, правительства республиканской Франции резко расходились с мнением демократической общественности их стран и, главное, не отвечали чаяниям греческого народа. Итальянский министр иностранных дел в годы войны Д. Сонино, допуская перемену лица на греческом престоле, умолял своих западных коллег отказаться от учреждения в Греции республики, объясняя свой страх тем, что «ее провозглашение [...] могло бы отразиться на внутренней политике других стран [...], например, в Италии оно могло привести к внутренним беспорядкам и саботажу войны» [6. С. 148.].

Премьер-министр Великобритании (1816–1922) Д. Ллойд Джордж и премьер Франции А. Рибо, учитывая пожелания Италии, на чьей территории шли серьезные сражения с врагом, оставили этот вопрос открытым. Французское правительство заявило, что оно не имеет в виду способствовать победе республиканского движения в Греции, считая, что это привело бы страну к анархии [9. С. 184]. Так, посол Великобритании во Франции Ф. Берти 20 апреля 1917 г.

записывал в своем дневнике, что Ллойд Джордж успокаивал его в отношении будущей политики Рибо в Греции, говоря, что французский премьер «хотел бы избавиться от короля Константина, но не от династии» [10. С. 137].

В беседе с представителем «агентства Гавас» Венизелос пожаловался, что союзники, обещав ему поддержку, выразили в то же самое время желание, чтобы его действия не носили антидинастического характера. Учитывая высказанные мнения западных держав, от которых полностью зависело слабое временное (салоникское) правительство, Венизелос, несмотря на возрастающее давление на него со стороны его окружения, постарался лишить движение антидинастического характера.

Ведя сложную политическую игру, Венизелос отправил в Петроград представителя салоникского правительства, который доверительно сообщал Временному правительству России, что ближайшей задачей Венизелоса и его сторонников является водворение в Греции такого порядка вещей, при котором были бы с корнем вырваны всякие остатки деспотизма и личного королевского режима. Поддерживая на словах прогрессивные круги греческого общества, окрыленные демократическими идеями, Венизелос давал обещание западным, в особенности английским, дипломатам придерживаться осторожной политики в отношении конституционной монархии в Греции.

Об этой двойственной политике 4 апреля 1917 г. Венизелос сообщал откровенно в письме к греческому послу во Франции А. Романосу, которое вошло в хрестоматию по греческой истории как наиболее красноречивый документ того времени. Венизелос писал: «Вы уже знаете мое мнение [...] В отличие от моих заявлений, которые я делал в начале движения о том, что оно не носит антидинастического характера, сегодня я не осмелился бы официально заявить моим сторонникам, что я отвергаю устранение правящей династии [...] Любое решение наших проблем без окончательной ликвидации династии было бы половинчатым и не позволило бы нации достичь того психологического очищения, без которого Греции после всех выпавших на ее долю испытаний, трудно было бы прорваться к новой политической жизни, способной привести ее к возрождению.

К сожалению, как Вы знаете из беседы посла Греции в Лондоне И. Геннадиса с лордом Хардингом, в Англии иначе относятся к идее о коренных переменах в Греции. Боюсь, что если сегодня король решит отречься от престола, покинуть Грецию на длительное время и оставить своего сына во главе национальной политики, то подобное решение будет одобрено в Англии, и мы не сможем его изменить.

Я надеюсь единственно, что король не сделает этого или сделает слишком поздно, когда созреет идея устранения всей династии. Что касается идеального для нас решения, Вы уже знаете мои взгляды от Диомидиса. Несмотря на то, что после революции в России я отношусь менее отрицательно, чем раньше, к идее республики и даже думаю, что раз Россия восприняла демократический режим, для нас он также не будет представлять никакой опасности, я все-таки продолжаю считать, что наилучшим в наших интересах решением было бы сохранение существующего режима с королем из английской династии. Если подобное решение представляется невозможным, следует подумать о республике, к которой греческий народ вполне готов и которую я отвергал исходя из международной ситуации, поскольку все великие державы, за исключением одной, имели монархическую форму правления. Республика теперь в свете настоящего демократического поветрия не имеет никаких

противопоказаний» [7. С. 43–44; 5. Р. 478.]. Тем не менее, идя навстречу жестким требованиям западных держав, Венизелос теперь пытался лишить движение антидинастического характера, т.е. убрать демократическую сущность начавшегося «брожения» в стране, ограничить его анти-болгарской и антитурецкой направленностью и недовольством прогерманской политикой короля Константина.

Республиканское движение в Греции вызвало сильное беспокойство у ярого монархиста российского посланника в Афинах Е.П. Демидова (1912–1924), бывшего егермейстера двора, князя Сан-Донато, который неоднократно писал в МИД России о нежелательности установления республиканской формы правления в Греции. В ответ на это глава российского МИДа П.Н. Миллюков телеграфировал Демидову о необходимости проводить в греческом вопросе единую линию, в том числе в вопросе об установлении республиканского строя. «Не предпринимая вопроса о форме правления в Греции, — писал он, — в случае государственного переворота мы, тем не менее, никоим образом не можем поддерживать теперешнего короля, против которого резко высказывалось наше общественное мнение, с чем в настоящее время мы не можем не считаться. Кроме этого, наши союзные отношения к Франции, лежащие в основе нашей европейской политики, не могут быть поколеблены или поставлены в зависимость от сравнительно второстепенного греческого вопроса». Одновременно Миллюков телеграфировал посланникам в Париж, Рим, Лондон и Афины: «Я полагаю, что в случае отречения короля решение такого важного вопроса, как установление нового образа правления в Греции, должно быть предоставлено самому греческому народу и предпринимать его было бы нежелательно, так как это противоречило бы провозглашенным нашим правительством демократическим принципам самоопределения народов». Такая постановка вопроса вполне отвечала, по мнению Миллюкова, интересам России в Греции, поскольку она могла, во-первых, избавить от нареканий в случае возникновения каких-либо осложнений, во-вторых, устранить неудобство прихода в Греции к власти лица, удобного или выгодного одной какой-либо держав [8. Д. 3826. Л. 191, 192].

Сменивший Миллюкова М.И. Терещенко продолжил ту же политику в отношении Греции. Делегат Временного правительства А.П. Извольский, прибывший к концу Парижской конференции союзников в мае 1917 г., выступил с предложением, которое включало три основных пункта: не поддерживать короля; не препятствовать движению венизелитов; не поощрять великогреческих вождедений Венизелоса [11. С. 162].

По воспоминаниям посла Великобритании во Франции Ф. Берти, комично было слышать из уст монархиста Извольского, что «греческому народу должна быть предоставлена возможность выбора республиканской или монархической формы правления...». Западные страны не поддерживали представителя Временного правительства России, который оказался в изоляции [10. С. 138]. Узнав о том, что европейские державы «не собирались нарушать принцип конституционной монархии», Демидов ликовал. В середине июня он с явным удовлетворением телеграфировал в Петроград Терещенко, что «державы-покровительницы Греции решили восстановить единство королевства без нанесения ущерба конституционно-монархическому строю, который они гарантировали Греции» [9. С. 210].

Весной 1917 г. под давлением Антанты, перед вступлением Греции в Первую мировую войну (последней из балканских стран) на стороне

Антанты, все завершилось изгнанием короля Константина I и коронацией его сына Александра I, который пробыл на греческом престоле всего три с небольшим года. После его трагической смерти в Грецию вернулась королева Ольга, которая год была регентом Греческого королевства. Затем власть была снова передана Константину I.

Премьер-министр Греции Э. Венизелос, учитывая тот факт, что греки активно участвовали в завершающих сражениях на Салоникском фронте, возлагал большие надежды на предстоявшую мирную конференцию в Париже, хотя он имел лишь устные заверения Великобритании и Франции в том, что его программа новых территориальных приобретений со столицей в Константинополе будет ими поддержана. Уступчивость перед западными державами и крайняя активность Венизелоса во время работы мирной конференции принесли свои плоды: греки получили все, на что письменно претендовали во время работы греческих комитетов в Версале.

Стремясь еще более сблизиться с западными покровителями, греки приняли участие в крупнейшей интервенции 14 государств против Советской России и действовали на юге России под руководством французов. Вслед за высадкой 18 декабря 1918 г. французского десанта в Одессе и 27 декабря в Крыму греческая дивизия в январе 1919 г. высадилась также в Крыму. Историки констатируют, что французские войска не могли противостоять «партизанским отрядам атамана Григорьева» (1700 чел. с тремя орудиями), которые 2 марта 1919 г. отбили у войск Антанты Херсон, 14 марта французы очистили Николаев, оставив там греков. В результате бои с отрядами атамана Григорьева (застрелен впоследствии батькой Махно), изменившего Петлюре и объявившего себя союзником большевиков, в Херсоне в течение недели вел греческий батальон, понесший тяжелые потери. К моменту эвакуации в августе 1919 г. потери греческих войск составили 398 убитыми (солдаты и офицеры) и 657 ранеными [12]. В конце марта интервенты начали вывод войск из южных районов России, покинув 5 апреля Одессу, а 30 апреля 1919 г. Крым [13].

После окончания интервенции под нажимом Англии греческий король Константин и «панэллист из самых крайних» Э. Венизелос решили, что настал подходящий момент для осуществления идеалов Мегали идея в полном объеме, т.е. захвата части территории Турции в Малой Азии, которые греки считали своими, и вступили в войну с Турцией вместе с державами Антанты. Большевицкая Россия, хорошо помня об участии греков в интервенции, не поспешило на поддержку буржуазно-демократической революции в Турции, выделив Кемалю Ататюрку вагоны золота и прислав опытных военачальников — М. Фрунзе и К. Ворошилова, и помогло очистить ее территорию от оккупантов. 11 октября 1922 г. в г. Муданья было подписано перемирие между Турцией, с одной стороны, и Англией, Францией, Италией — с другой. Через два дня к нему присоединилась также Греция, обязавшаяся полностью уйти из Малой Азии. Бесславное участие греческой армии в войне против Турции и последовавший исход греков с её территории, получившие название Малоазиатской катастрофы 1921–1923 гг., навсегда похоронили великогреческую идею и дискредитировали монархию. После прихода в марте 1924 г. на пост премьер-министра А. Папанастасиу парламент упразднил монархию в Греции, а в день праздника национальной независимости — 25 марта 1924 г. Греция была провозглашена республикой. Адмирал П. Кундуриотис, бывший последние месяцы регентом, стал президентом страны. Проведенный в апреле того же года плебисцит легитимизировал решение парламента: 70% голосов

было подано за республиканскую форму государственного устройства и 30% — за монархию. В соответствии с принятым законом члены королевской семьи во главе с королем Константином покинули Грецию, лишившись греческого гражданства и своего имущества в стране.

Участие Греции в Первой мировой войне и Малоазиатской кампании привело к полной дестабилизации экономической жизни, которая требовала от правительства немедленного поиска радикальных решений. Одним из них стало восстановление в 1924 г., вслед за Англией, Италией, Норвегией, Швецией и Данией, дипломатических, а затем в 1929 г. и торгово-экономических связей Греческой республики с Советской Россией.

Однако слабая республиканская власть в Греции еще не раз была сломлена монархическими переворотами генерала Т. Пангалоса (1925), П. Цалдариса (1935) и генерала И. Метаксаса (1938–1940). В драматической смене режимов в Греции и возникавших внутриполитических кризисов страна все время выходила как бы на стартовый рубеж развития — демократический путь и республиканскую форму правления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Пестель Павел*. «Русская правда». М., 1993.
2. Республиканские идеи в истории общественного движения в России. <http://biofile.ru/his/25652.html> (Обращение 5 февраля 2020 г).
3. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 722. Д. 809. Афины. 29 марта (10 апреля) 1875 г.
4. История Балкан: На переломе эпох (1878–1914). М., 2017. Т. 4.
5. *Leon G.B.* Greece and the Great Powers. 1914–1917. Thessaloniki, 1974.
6. *Соколовская О.В.* Греция в годы Первой мировой войны. 1914–1918. М., 1990.
7. *Ιστορία του Ελληνικού Έθνους*. Αθήναι, 1980. Τ. ΓΕ.
8. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. Политархив 1917.
9. Европейские державы и Греция в эпоху мировой войны. По секретным материалам бывшего МИД с приложением копий дипломатических документов/ Под ред. Е.А. Адамова. М., 1922.
10. *Берти Ф.* За кулисами Антанты. Дневник Британского посла в Париже. 1914–1919. М.; Л., 1927.
11. *Емец В.А.* Очерки внешней политики России в период Первой мировой войны. М., 1977.
12. 100 великих тайн Первой мировой [ML]Соколов Борис Вадимович <https://history.wikireading.ru/146181.13/>
13. <http://volk59.narod.ru/inter14.htm>